

**ЛУЧШИЕ РОМАНЫ
О СЫЩИКЕ
ДРОНГО**

ЧИНГИЗ
АБДУЛЛАЕВ

**СМЕРТЬ
ДИПЛОМАТА**

МОСКВА

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А 13

Иллюстрация на обложке *В. Коробейникова*

Абдуллаев, Чингиз Акифович.

А 13 Смерть дипломата / Чингиз Абдуллаев. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Абдуллаев. Лучшие романы о сыщике Дронго).

ISBN 978-5-04-161609-0

В Баку посреди бела дня прямо перед посольством России убит французский консул Арман Шевалье. Безпрецедентный случай! Азербайджанские и российские спецслужбы в панике. Срочно надо найти убийцу, но где его искать? Ведь местным органам безопасности известно, что Шевалье работал сразу на несколько внешних разведок. Кроме того, Азербайджан — сфера интересов многих держав: России, Франции, США, Англии, Израиля, Ирана... Возможно, смерть дипломата — прекрасный повод к резкому обострению противоречий между этими странами. Тогда кому конкретно это выгодно? Спецслужбы Азербайджана не могут найти ответы на эти вопросы, и им ничего не остается, как пригласить к расследованию знаменитого эксперта Дронго...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-161609-0

© Абдуллаев Ч.А., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Если люди настолько плохи, облададая религией, чем бы они были без нее?

Бенджамин Франклин

Догматизм в более узком смысле состоит в том, что удерживаются односторонние рассудочные определения и исключаются любые противоположные мнения.

Георг Гегель

Глава 1

Его заранее предупредили о возможной встрече. Позвонил Виктор Андреевич Резунов, с которым Дронго был знаком уже много лет, и предложил встретиться, предупредив, что встреча носит конфиденциальный характер, поэтому лучше, чтобы она прошла без лишних свидетелей. Он попросил эксперта приехать в здание Министерства внутренних дел и провести эту встречу в своем кабинете.

Ровно в назначенное время Дронго вошел в кабинет Резунова. Там уже сидел незнакомый мужчина лет сорока пяти. В темном костюме, лысоватый,

с немного вытянутым носом, карими глазами и большими, прижатыми к черепу ушами. Незнакомец пожал руку Дронго и коротко представился:

— Дынин Иван Георгиевич.

— Меня обычно называют Дронго, — сказал эксперт.

— Я знаю, — улыбнулся Дынин.

— Садитесь, — предложил хозяин кабинета, устраиваясь за столом рядом с Дыниным.

— Вас можно поздравить? — заговорил Дронго, обращаясь к Резунову. — Вы получили звание генерала?

— Да, — кивнул тот, — хотя новой таблички на дверях у меня еще нет. Это ваше интуитивное мышление или вы узнали новость у моего секретаря?

— Нет. Все гораздо проще. Когда оформлял внизу документы, оказалось, что я иду к генералу Резунову. Поздравляю вас, Виктор Андреевич.

— Спасибо, — ответил Резунов.

— А господин Дынин, очевидно, из ФСБ или СВР? — спросил Дронго. — Хотя я думаю, что, скорее всего, вы из Федеральной службы безопасности.

— Это вы тоже узнали внизу? — уточнил Резунов.

— Вы же сами предупредили меня о конфиденциальности встречи, — пояснил Дронго, — хотя визит в здание Министерства внутренних дел к генералу сам по себе должен носить достаточно конфиденциальный характер. Но в кабинете находитесь не только вы, но и ваш гость, поэтому, как я понимаю, меня пригласили сюда для того, чтобы мы могли переговорить по интересующему вас делу. А так как ваш гость явно не из полиции, то остаются еще два ведомства, которых могла заинтересовать моя персона, — СВР и ФСБ. Если бы вы были из Службы внешней разведки, то наша встреча наверняка состоялась бы в другом месте и при других обстоятельствах, даже если посредником выступил бы генерал Резунов. Внешняя разведка — такое ведомство, которое менее всего склонно сотрудничать с полицией, в силу закрытости этого учреждения. А вот генерал ФСБ мог бы спокойно приехать к своему коллеге, чтобы встретиться со мной в здании МВД. Или я не прав?

— Правы, — снова улыбнулся Дынин. — А почему вы решили, что я тоже генерал?

— В слове «тоже» уже заложен ответ. Виктор Андреевич подчеркнуто сел рядом с вами, невольно демонстрируя ваш статус. Если бы вы не были генералом, полагаю, Резунов остался бы на

своем месте, разрешая нам беседовать за его приставным столиком, а не за этим длинным совещательным столом. Он только недавно получил генерала и, каким бы скромным человеком ни был, безусловно, испытывает чувство гордости за свою карьеру. В первые дни это чувство бывает особенно сильным.

Оба генерала, переглянувшись, рассмеялись.

— Я вас предупреждал, — напомнил Резунов, — он бывает непредсказуем и парадоксален.

— Ну, в данном случае это именно то, что нам нужно, — сказал Дынин, — поэтому мы и попросили вас выйти на господина эксперта.

— Что-то случилось? — заинтересованно спросил Дронго.

— Случилось, — кивнул Дынин. — Думаю, вы не обидитесь, если я спрошу вас, как давно вы были в Баку?

— Не обижусь. Я был в Европе и вернулся в Москву три дня назад.

— Вы были в Риме. — Дынин не спрашивал, это было утверждение.

— Я предпочитаю об этом не говорить, — нахмурился Дронго, — и вам не советую.

— У вас слишком громкая репутация, господин эксперт, — заметил Иван Георгиевич, — и уже многие знают, что вы живете на два дома — в

Москве и в Баку, и только лишь для того, чтобы никто не узнал о вашем фактическом месте жительства под Римом вместе с вашей семьей.

— Я могу воспринять ваши слова как угрозу, — предупредил Дронго. — Очевидно, придется менять место проживания моей семьи.

— Надеюсь, что вы можете доверять ФСБ, — несколько обескураженно произнес Дынин.

— В подобных случаях лучше никому не доверять, — признался Дронго, — но давайте поменяем тему. Я услышал ваши слова и подумаю над ними. А теперь изложите причину, из-за которой вы хотели со мной встретиться. Очевидно, что-то связанное с Баку? Из-за этого вы меня позвали?

— Странно, что вы не знаете, — пробормотал Дынин. — А может, знаете и не хотите говорить?

— Если речь идет об убийстве французского дипломата Армана Шевалье, то я видел это сообщение в Интернете, — невозмутимым тоном сообщил Дронго.

Дынин и Резунов снова переглянулись.

— Значит, вы догадывались с самого начала, зачем мы назначили эту встречу? — мрачно спросил Иван Георгиевич.

— Я догадывался, но в подобных случаях предпочитаю держать свои догадки при себе, иначе вы можете решить, что я намеренно при-

ехал на нашу встречу, уже готовый к подобному разговору и, возможно, ангажированный третьей стороной.

— Вы действительно очень непростой человек, — вздохнул Дынин, — и мы действительно собираемся поговорить с вами по этому поводу. Две недели назад в Баку был убит французский дипломат, консул посольства Арман Шевалье. В тот момент, когда он выходил из российского посольства. Из нашего посольства. Как вы сами понимаете, это удар, в том числе и по престижу нашего государства, по его репутации. Мы вместе с нашими коллегами из Баку и Парижа делаем все, чтобы не раздувать этот инцидент, но такое неожиданное убийство, да еще при таких загадочных обстоятельствах, вызвало довольно большой резонансный интерес в мире. Мы очень хотели избежать его, как и довольно ненужных комментариев, которые тоже невозможно претворить.

— Да, уже поздно. Убийство французского дипломата показали по всем новостным каналам, — заметил Дронго. — Или об этом вы не знали?

— Конечно, знаем. В Баку начали специальное расследование по поводу этого громкого убийства. Они встретились с нашим послом и с послом Франции. На самом высоком уровне нас

заверили в том, что сделают все для объективного расследования. Они создали довольно мощную следственную группу.

— Но вам этого мало, — подхватил Дронго. — И еще вы наверняка знаете о моих хороших отношениях с вашим послом.

— А как вы думаете? — сердито спросил Иван Георгиевич. — Конечно, знаем. Кстати, он тоже считает, что вы будете самой лучшей кандидатурой для расследования такого преступления.

— И вы хотите доверить эту важную миссию мне, не посылая туда собственных сыщиков? — покачал головой Дронго. — Позвольте вам не поверить.

— Мы просили разрешить нам послать туда своих специалистов, — быстро проговорил Дынин.

— Но вам пока не разрешили, — понял Дронго. — Все правильно, в Баку не хотят поступаться своим суверенитетом. Вы должны были понимать это с самого начала. Такой типичный сараевский конфликт четырнадцатого года.

— Я вас не совсем понял. При чем тут Сараево? Или вы считаете, что убийство французского дипломата может вызвать третью мировую войну?

— Сначала про Сараево. Сразу после выстрелов, когда погибли наследник престола Франц

Фердинанд и его супруга, австрийская сторона предъявила свой ультиматум сербам. И те были готовы выполнить почти все условия ультиматума, лишь бы не доводить дело до войны, но Вена требовала, чтобы расследование проводили ее специалисты, а это было прямым нарушением суверенитета Сербии. В результате сербы отказались, Австрия объявила войну, ее поддержала Германия, сербов поддержала Россия, ну а дальше вы знаете... Насчет третьей мировой не уверен, хотя после событий в арабских странах мир может взорваться в любой момент.

— Зачем вы мне это говорите?

— Я почти уверен, что вы уже послали туда своего «специалиста» для негласного контроля за общей обстановкой, не дожидаясь, пока вам разрешат отправить туда официального представителя или представителей. Я не ошибаюсь?

— А как, вы считаете, мы должны были поступить? — вместо ответа спросил Дынин.

— Судя по тому, что вы не ответили на мой вопрос, вы действительно послали туда своего человека.

— Я не буду комментировать ваши предположения, — быстро произнес Иван Георгиевич, — вы должны сами понимать, что я просто не уполномочен отвечать на подобные вопросы.

— Но раз вы начали с рассказа об убийстве французского дипломата и решили принять меня в кабинете Виктора Андреевича, вызвав сюда для конфиденциальной беседы, можно догадаться, что вы хотите попросить меня отправиться в Баку и провести негласное расследование этого убийства?

— Вы правильно догадались, — кивнул Дынин. — Мы хотим попросить вас, как известного эксперта по вопросам преступности, провести самостоятельное расследование и найти возможного убийцу. Тем более что это в какой-то мере связано с нашим посольством.

— Думаю, не поэтому, — неожиданно сказал Дронго. — Давайте сразу и откровенно. Почему вас так волнует смерть французского дипломата? Только потому, что его убили в тот момент, когда он выходил из вашего посольства? Или есть другие причины?

— Вам не кажется, что вы задаете слишком много вопросов?

— Вы только что предложили мне поехать в Баку и провести собственное расследование. И, прежде чем согласиться, я должен понять, что именно там произошло. Почему такой интерес к убийству именно этого дипломата? Я могу узнать, какие причины заставляют вас проводить параллельное расследование, или это сверхсекретная

информация? Вы ведь уже послали туда своего человека. И почти наверняка то же самое негласно сделали французы. И я не сомневаюсь, что в Баку сделают все, чтобы вычислить возможных убийц Шевалье. Это уже репутация государства. Но вам, похоже, этого мало. Я могу узнать — почему?

Дынин снова посмотрел на Резунова.

— Я предупреждал, что с ним будет сложно работать, — заговорил генерал, — но он прав. Ему нужна вся информация, Иван Георгиевич, иначе не вижу смысла его туда отправлять.

— К тому же сегодня пятница, — напомнил Дронго, — и, судя по нашей встрече, вы бы хотели, чтобы я поехал туда прямо сегодня.

— Вчера, — признался Дынин. — Мы хотели бы, чтобы вы были там еще вчера.

— Один момент, — перебил его Дронго. — Давайте уточним наши отношения с самого начала. Вы меня туда не отправляете, иначе я буду чувствовать себя почти вашим агентом. Попробуем правильно расставить акценты. Вы просите меня провести самостоятельное расследование по факту смерти французского дипломата. Все верно?

— Да, — кивнул Дынин.

— В таком случае объясните, почему вас так интересует данное убийство. Про ваше посольство я уже слышал, но это всего лишь повод для нашей

беседы. Почему вас интересует именно этот дипломат и почему вы хотите, чтобы я туда поехал? Только не нужно рассказывать о том, что вас волнует смерть дипломата или репутация азербайджанского государства, я все равно не поверю. Мне нужно понимать степень вашей заинтересованности.

— Разве недостаточно того, что это произошло в Баку? — недовольно проговорил Дынин. — Сейчас Баку — один из самых интересных городов в мире. Такой своеобразный политический центр, где сосредоточены интересы великих держав. Достаточно сказать, что там одновременно есть американское, английское, французское, немецкое посольства, а также и иранское, иракское, турецкое, не говоря уже об израильском и российском посольствах. Такое своеобразное место, где сосредоточены интересы многих стран. А если вспомнить, что рядом находится Иран, в котором в любой момент могут начаться непредсказуемые события, степень нашей заинтересованности не должна вас удивлять. Не забывайте, что иранцы грозятся перекрыть Ормузский пролив, откуда проходит почти сорок процентов всей мировой нефти. А это уже непосредственно затрагивает интересы и нашей страны. И, между прочим, Азербайджана в первую очередь.

— Там не только все эти посольства, — задумчиво произнес Дронго, — там находятся и развед-

ки всех перечисленных стран. Последний город шпионов в нашем веке. Уже не Вена, не Гонконг, не Западный Берлин, а именно Баку. Такое уникальное место, где можно одновременно встретить израильского и иракского, американского и иранского, турецкого и сирийского послов. Поэтому позвольте вам все равно не поверить. Вы не стали бы так рисковать, решив провести самостоятельное расследование. Ведь там уже находится ваш специалист. Кроме того, я почти уверен в том, что туда наверняка негласно послали и французского специалиста подобного профиля. Скажите честно, французский дипломат был вашим агентом? — Повисла напряженная пауза, которую нарушил сам эксперт, продолжив свои размышления: — Скорее всего, нет. Иначе вы не подпустили бы меня к подобному расследованию и на пушечный выстрел и этим делом занимались бы специалисты из Службы внешней разведки или Главного разведывательного управления Генштаба. Но вы настаиваете на проведении независимого расследования. Значит, дипломат был не совсем дипломат, или, точнее, не только дипломат. Я прав?

— Вы — умный человек, господин эксперт, и должны понимать, что я все равно не отвечу на подобные вопросы, — начал злиться Дынин.

— А я не поеду в Баку, — спокойно парировал Дронго. — Будем считать, что этого разговора не было. Вы никогда не найдете человека, который обладал бы подобными связями и возможностями, как ваш покорный слуга. И никто не сумеет провести независимое расследование вместо меня. Я думаю, что вы это прекрасно понимаете и именно поэтому решили пригласить меня сюда. — Он поднялся, собираясь уходить, но Дынин остановил его:

— Подождите, не уходите. Сядьте и успокойтесь. Не нужно шантажировать нас своим статусом. Я прекрасно знаю, с кем именно говорю. Вы ведь можете не только отправиться в Баку, но и при желании выехать в Тегеран, где будете пользоваться особым уважением. Насколько я знаю, вы совершили все паломничества, которые должен совершить правоверный мусульманин, побывав в Мекке и Медине.

— У вас недостаточная информация, генерал, — усмехнулся Дронго, снова усаживаясь на стул. — Для иранских шиитов важно не только иметь статус хаджи, который получают мусульмане, совершившие паломничество в Мекку и обряд жертвоприношения. Ведь Иран — шиитское государство, и им важен еще и статус кербелаи, который я получил, посетив иракскую Кербелу, где

похоронены зять Пророка и его сын, погибшие в боях за истинную веру. И еще статус мечети, который получаешь, посетив уже иранский Мешхед. Добавьте сюда молитвы в мечети Аль-Акса, находящейся над Стеной Плача в Иерусалиме, которая считается особой мусульманской святыней, ведь, по преданиям, именно там провел последнюю ночь Пророк перед своим вознесением на небо.

— Не знал, что вы так религиозны, — заметил Дынин.

— Я — убежденный агностик, — признался Дронго, — что не мешает мне проявлять уважение к любой религии. Не только мусульманской, но и христианской, иудейской, буддийской. Каждая религия — это невероятная наука, на постижение которой может уйти целая жизнь. Но вернемся к нашему разговору. Вы сказали, что я могу поехать не только в Баку, но и в Иран. А французский дипломат был убит при выходе из вашего посольства. Какая связь с Ираном? Или все-таки такая связь есть и именно поэтому вы решили послать меня? Я не поверю, что вы просто проговорились. Очевидно, вы сделали это намеренно.

Дынин снова быстро взглянул на Резунова, но тот только молча пожал плечами.

— Связь есть, — негромко произнес генерал контрразведки. — По нашим сведениям, фран-

цузский дипломат тесно сотрудничал с иранцами.

— Настолько тесно, что был их агентом? — спросил Дронго.

Нужно отдать должное его собеседнику — он выдержал удар, лишь покачал головой, а после короткой паузы сказал:

— Вы делаете мою миссию почти невыполнимой. После нашего разговора вы можете неожиданно погибнуть в автомобильной аварии. Неужели вы этого не боитесь?

— Если бы боялся, я бы выбрал другую профессию, начал бы писать книги или рисовать картины, — парировал Дронго. — А я вам настолько нужен, что вы согласились рискнуть подобным образом. Итак, я прав?

— Вы должны понимать, господин эксперт, свое и мое положение, — мрачно произнес Дынин. — Если я подтверждаю ваше предположение и вы не соглашаетесь с нами работать, мне придется принять некие меры по сохранению нашего разговора в тайне.

— Значит, я прав, — вздохнул Дронго, — и этот ваш секрет Полишинеля уже всем известен. Теперь понятно, что именно поэтому все так запуталось. Можете молчать и не подтверждать мою версию. Французский дипломат работал на

иранцев, и вы об этом знаете. У меня последний вопрос: знают ли об этом в Баку?

— Я не могу подтвердить вашу версию, — быстро ответил Дынин.

— Знают или нет?

— Я не могу...

— Они знают? — продолжал настаивать Дронго.

— Не задавайте вопросов, ответы на которые вам самому известны, — вмешался Резунов. — Если мы говорим здесь об этом, то наверняка об этом знает и кто-то другой. Вы сами говорили, что это секрет Полишинеля и...

— Вы согласны, — перебил хозяина кабинета Дынин, — найти убийцу? Нам нужно знать, кто именно убил французского дипломата. Это для нас самое важное. Мы готовы оплатить все ваши расходы. Но вы должны понимать, что нашего разговора никогда не было и при любых обстоятельствах мы не станем подтверждать ни темы нашей беседы, ни нашу просьбу о проведении частного расследования.

— Этого вы могли бы и не говорить. Но сразу договоримся, что я занимаюсь убийством, никакие политические игры меня не интересуют.

— Вы считаете, что можно избежать политики при проведении подобного расследования?

— Не считаю. Но на всякий случай предупреждаю вас.

— Вы должны понимать, господин эксперт, насколько сложная ситуация вокруг убийства французского дипломата, — сказал в заключение Дынин. — Только в случае самой крайней необходимости мы могли обратиться к вам.

— В этом я как раз не сомневаюсь, — согласился Дронго.

Глава 2

В течение нескольких лет он терпеливо воссоздавал одинаковую обстановку в двух квартирах — московской и бакинской, подбирая одинаковую мебель, занавески, обои, ковры, бытовую технику. Только картины — подлинники невозможно было приобретать в двух экземплярах или делать копии, поэтому лишь они отличали московское жилище от бакинского. Может, в этом сказывалось нежелание примириться с обстоятельствами распада той большой страны, в которой он жил больше тридцати лет и во имя которой рисковал своей жизнью? Может, он подсознательно пытался жить на два дома, как это было еще до распада девяносто первого года, который оказался огромной тра-

гедией для большинства народов, населяющих большую страну.

Независимость народов была выстраданной и желанной, но кто подсчитал, какой кровью и страданиями она досталась многим республикам? Придумав подлый тезис о том, что распад большой страны обошелся без большой крови, виновники подобного развала пытались уйти от ответственности за миллионы людей, ставших беженцами, миллионы сломанных судеб и за десятки тысяч погибших.

В самом Азербайджане обретение независимости произошло в ходе карабахской войны, когда в республике оказалось более миллиона беженцев, а общие потери исчислялись тысячами погибших и изувеченных. Несмотря на очевидные экономические успехи республики, благодаря хлынувшему потоку нефтедолларов, позволившему значительно поднять уровень жизни населения, модернизировать промышленность, повысить рентабельность сельского хозяйства, преобразить города и деревни республики, построить новые современные дороги, нерешенная карабахская проблема все еще сильно влияла на политическую обстановку в стране, продолжавшую балансировать на грани войны с соседней республикой.

Дронго прилетел в город поздним вечером и сразу отправился домой, чтобы принять душ, выспаться и прочитать всевозможные сообщения, появившиеся в местных газетах о смерти французского дипломата, происшедшей больше двух недель назад.

Консул французского посольства Арман Шевалье выходил из здания посольства Российской Федерации после встречи с российским консулом. Комплекс посольства находился на улице Бакиханова, и сквозь небольшую ограду можно было увидеть выходявшего из основного здания консула. Машины обычно оставались на улице, рядом с основным входом. Консул вышел из здания вместе со своим российским коллегой. Они пожали друг другу руки, и французский дипломат прошел к выходу. Миновав будку охраны, он вышел за ограду, подходя к ожидавшему его автомобилю. Когда консул открывал заднюю дверцу салона, в этот момент прозвучали два выстрела. Стреляли из пистолета с близкого расстояния из проезжавшей мимо машины. Консул сполз на землю, а машина мгновенно исчезла. Один из сотрудников местной полиции, дежуривший у посольства, успел заметить ее номер, но проверка, проведенная местными органами контрразведки, показала, что этот номер был поддельным и чис-

лился за автомобилем одного из руководителей исполнительного комитета Насиминского района города Баку. Местные журналисты, узнав обо всех подробностях, с удовольствием опубликовали их в своих газетах.

Первым, кому Дронго решил позвонить, был его старый знакомый, с которым он вместе учился на юридическом факультете университета. Аслан Самедов уже больше двадцати пяти лет работал государственным советником прокуратуры, возглавляя следственное управление. Он приехал к другу в половине первого дня, благо была суббота, обрадованный его звонком и шумно выражая свою радость. Самедов был плотным, коренастым мужчиной с рано поседевшей головой. Во время учебы они занимались в одной группе, но сидели за разными партами. Самедов сидел впереди, а Дронго — на самой дальней парте. Он еще вчера подумал, что Дынин и его служба наверняка знали обо всех его прежних товарищах по юридическому факультету, прежде чем приняли решение предложить ему провести это расследование.

— Как хорошо, что ты приехал, — радостно и громко говорил Самедов. — У нас скоро намечается встреча всей нашей прежней группой. Мы вообще часто собираемся вместе, но тебя почти никогда не бывает.

— Если бы вы могли меня заранее предупредить, я бы обязательно прилетал, — ответил Дронго.

— Тебя невозможно найти, ты ведь у нас известный эксперт. Говорят, смотришь на человека и сразу читаешь его мысли. Или что-то в этом роде. Я, правда, не очень верю в эти глупости, но все равно приятно.

— Читать мысли я не научился, — признался Дронго. — Пока не научился.

— А все остальное умеешь, — рассмеялся Самедов. — Вот интересно, что ты скажешь про меня? Я читал в Интернете, что ты можешь рассказать о человеке по мимике его лица, по выражению его глаз. Возможно, это действительно так, но однажды написали, что ты обращаешь внимание даже на язык своего собеседника. Интересно, что можно сказать по моему языку? — И Аслан шутливо высунул язык.

— В Интернете всегда полно всяких глупостей, — отмахнулся Дронго.

— Значит, я правильно решил, что там написали всякую чушь, — кивнул Аслан.

— Не совсем. Я уже сейчас могу сказать, что у тебя серьезные проблемы с желудочно-кишечным трактом и ты по-прежнему много куришь.

— Курю я действительно много, — согласился Аслан, — а насчет желудка от кого ты узнал?

— По твоему языку, — ответил Дронго, — он у тебя желтого цвета, с припухлостями по краям, какой бывает у курильщиков. И ты не просто курильщик, а, судя по бороздкам, разбросанным по языку, у тебя довольно серьезные проблемы с желудком, возможно, с пищеварением.

— Фокусник, — захохотал Самедов, — честное слово, фокусник. Неужели по языку можно столько узнать?

— Когда ты разговариваешь или смеешься, то слишком широко открываешь рот, и я невольно обратил внимание на твой язык, — объяснил Дронго, — еще до того, как ты мне его продемонстрировал. Так что никаких фокусов, это обычная наука. По языку можно определить состояние человека. Если язык бледный, это связано с недостатком нормального питания. Если красноватый, то, возможно, нарушено функционирование сердечной системы. Если синеватого цвета, это болезнь почек, если сероватый — возможно, заболевание пищеварительного тракта и так далее. Ты же профессиональный сыщик, должен об этом знать.

— Ты издеваешься, — нахмурился Аслан, — или сейчас это придумал?

— Я говорил только о цвете языка. А еще есть различия по цвету налетов на языке, по формам языков, по бороздкам на них...

— Хватит, я все понял. Демонстрируешь свою гениальность. Только не на мне, я и так тебе верю. И еще учти, что в наше время никому не нужны твои фокусы. Сейчас время науки, техники и агентуры, которые сразу поставляют нужную информацию, помогая найти и разоблачить любого преступника. Не говоря о том, что на самом деле все решают только деньги, потому что купить можно любого. А ты все еще остался в прошлом веке.

— Голова нужна была в любое время, — пошутил Дронго, — или я ошибся и у тебя нет проблем?

— Есть, конечно. У кого их сейчас нет, — признался Аслан. — Врачи давно советуют мне бросить курить. Да и с желудком не все в порядке.

— Бросай курить, — согласился Дронго. — В Европе через несколько лет вообще запретят сигареты, можешь мне поверить. Их приравняют к наркотикам.

— Думаешь, так легко бросить курить? Тебе хорошо, ты никогда в жизни не курил. А я два раза пытался бросить, нет, даже три... И все равно ничего не получалось.

— Значит, плохо пытался. Что будешь пить?

— Только чай. У нас столько проблем... Тебе хорошо, едешь по странам, никому не подчиня-

ешься, гуляешь по всему миру. А у меня сроки по каждому расследованию, всегда неприятности со следователями, всегда споры с прокурорами. В общем, лучше не вспоминать.

— Зато ты — генерал. Государственный советник третьего класса.

— Глупости все это, — отмахнулся Аслан, — все эти чины и звания. Пустые побрякушки. Прокуроры в хороших районах зарабатывают больше меня, хотя ходят в полковниках. Самое главное — это деньги, которые ты получаешь, а все эти погоны и медали на самом деле никому не нужны.

— Идем на кухню, — пригласил Дронго, — ты совсем не меняешься с годами.

Уже на кухне он заварил чайник с зеленым чаем и разлил его в две большие кружки. Они сели за столик.

— Надолго приехал? — спросил Аслан.

— На несколько дней.

— Тебе нужно здесь остаться хотя бы на две недели. Мы как раз через две недели собираемся.

— Если получится, останусь, — пообещал Дронго.

— А ты сделай, чтобы получилось.

— Я хотел узнать, что у вас здесь произошло с убийством французского консула, — приступил к главному Дронго.

— Ну да, конечно. Поэтому и прилетел, — ухмыльнулся Аслан. — Не думай, что мы провинциалы и ничего не понимаем.

— Я так не думаю.

— Мы уже две недели ждем разных гостей, — признался Самедов, — а ты у нас международный эксперт и наверняка хочешь узнать про это убийство. Весь мир только о нем и говорит, как будто других новостей сейчас нет. Если бы ты знал, как нам все это надоело.

— Могу себе представить. Не каждый день убивают дипломатов, тем более в Баку. Насколько я знаю из Интернета, Баку — самый спокойный город из всех столиц стран СНГ. Здесь совершается меньше всего преступлений.

— А ты разве не знаешь, что в свое время сделал Гейдар Алиев? — снова заулыбался Самедов. — Он дал всем «ворам в законе» срок, чтобы покинуть республику, и поручил лично министру внутренних дел проконтролировать этот процесс. Многие уехали, но некоторые не поняли или не захотели понять. А послушаться Гейдара Алиева было нельзя, он не тот человек, который будет шутить или на предостережения которого можно не обращать внимания. Оставшихся преступных авторитетов просто перестреляли, и на этом все сразу закончилось. Он навел почти идеальный

порядок. Ты вечером пойдёшь на бульвар и посмотри. Там люди гуляют почти до утра и ничего не боятся. Я не говорю, что у нас идеально работает полиция, но в нашем городе меньше всего уголовных преступлений.

— А французского дипломата застрелили, — напомнил Дронго.

— Чтоб он сдох ещё раз, — недовольно проговорил Самедов. — Ты бы знал, как нас трясут из-за этого убийства. В прокуратуре создали специальную группу, в которую вошли лучшие специалисты нашего Министерства национальной безопасности и Министерства внутренних дел. Проверяем всех, кого можно и кого нельзя. Ты не поверишь, но в группе больше тридцати человек. Даже есть представитель из МИДа — Парвиз Мирза-заде. Руководитель службы протокола. Такой деятельный человек, все проблемы с их министерством решает за одну минуту. И вообще всем организациям приказано оказывать нам посильную помощь.

— А кто руководитель группы?

— Назначили Кулиева. Ты его должен помнить, он был на два курса старше нас. Меджид Кулиев, он сейчас уже генерал, считается одним из наших лучших следователей, хотя и работал всю жизнь в Министерстве национальной безопасности.

— И за две недели вы ничего не нашли?

— Как это не нашли, — возмутился Самедов, — еще как нашли. Машину, на которой были перебиты номера и из которой стреляли. Оказывается, ее угнали как раз перед убийством. Нашли пистолет, из которого стреляли. Выяснилось, что оружие было у кого-то из командиров агдамского батальона и еще в девяносто третьем пропало. Ну, тогда кругом такой бардак царил, что неудивительно. Судя по всему, в машине сидели двое. Водитель и стрелявший убийца. Сейчас мы пытаемся их найти. В полиции задействовали всю агентуру, всех предупредили, что дело чрезвычайной важности и нужно найти этих мерзавцев, которые нас так опозорили.

— И все?

— Нет, не все. Если бы ты только знал, как мы намучились с этим французским консулом. Арман Шевалье оказался типом с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Можешь себе представить? О чем они думают, когда посылают к нам таких дипломатов?

— У них подобная ориентация в порядке вещей, — улыбнулся Дронго, — во многих странах Европы даже разрешены однополые браки. И там не принято скрывать свои сексуальные предпочтения. Ты, наверное, не помнишь, но одним из

первых французских послов был мсье Гинют, который тоже не очень скрывал свою ориентацию. Умница, блестящий знаток культуры, поклонник классической музыки. Он, кстати, приехал в Баку со своим другом и не видел в этом ничего зазорного.

— Эти европейские нравы в конце концов утвердятся и у нас, — махнул рукой Самедов. — Просто безобразие! Как можно разрешать однополые браки!

— Все ясно. Ты у нас — блюститель старых традиций.

— Нет, просто я нормальный человек, который не любит гомосексуалистов и лесбиянок. И я не понимаю, как можно разрешать их браки в цивилизованной стране.

— Только не говори так при иностранцах, иначе нас никогда не примут в единую Европу...

— И пусть не принимают. Пошли они все...

— Должен тебе сказать, что во всем мире сексуальная ориентация уже не является чем-то предосудительным. Министр иностранных дел Германии и лидер свободных демократов откровенно говорит, что живет со своим другом. Мэры многих столиц западноевропейских государств тоже не скрывают своих пристрастий. Сейчас уже неприлично осуждать за это людей.

— Что ты такое говоришь? — испуганно произнес Аслан. — У тебя ведь жена, дети. Неужели ты готов защищать этих извращенцев?

— Я готов их понимать, — возразил Дронго. — Мы знакомы с тобой уже много лет, и ты прекрасно знаешь, что я всегда любил женщин...

— Вот именно...

— Но с годами начинаешь понимать, что свобода не может быть ограничена чужими взглядами или суждениями. Если двое людей хотят любить друг друга, то никто не вправе осуждать их. Никто.

— Ты сошел с ума! — покачал головой Самедов. — Так можно оправдать и педофилов, и маньяков, и извращенцев.

— Нет. Педофилы и маньяки — это люди с отклонениями...

— А гомосексуалисты и лесбиянки, значит, нормальные люди? По-моему, ты совсем чокнулся, — убежденно произнес Аслан. — Ты знаешь, что наши местные гомосексуалисты по вечерам собирались как раз недалеко от российского посольства? И мы очень серьезно отрабатываем эту версию. Возможно, французского дипломата убили именно на этой почве.

— Вам так хочется, чтобы его убили именно из-за этого, — возразил Дронго, — а отрабатывать нужно все версии.

— Мы их и отрабатываем. Не надо считать, что мы ничего не умеем; и мы не заикнулись на этой версии, только боимся, что повод может быть совсем другой, и тогда найти преступника будет практически невозможно...

— Какой повод?

— Ты же знаешь, какие сейчас отношения у Франции с Турцией. Французский парламент рассмотрел и одобрил законопроект, по которому даже отрицание геноцида армян в начале века будет считаться уголовным преступлением. Такая своеобразная «свобода слова» в твоей просвещенной Европе. Попробуй высказать иную точку зрения, и тебя сразу посадят в тюрьму. Конечно, этот законопроект вызвал массу протестов со стороны турков, которые мы, безусловно, поддерживали...

— И вы считаете, что французского консула могли убить из-за этого законопроекта?

— Психопаты есть везде, — вздохнул Самедов. — Возможно, один такой ненормальный оказался и среди наших людей. Решил продемонстрировать свое несогласие с французской политикой...

— Это не тот случай, — сразу возразил Дронго. — Тогда нужно было стрелять в посла, а не в консула, и не ждать, пока он выйдет из россий-

ского посольства, и уж тем более не перебивать номера на угнанной машине. Здесь действовал не психопат, а конкретная организация, которая провела операцию по убийству дипломата.

— Наши сотрудники тоже так считают, — кивнул Самедов, — но мы пока отработываем все версии, и я уверен, что скоро найдем этих придурков, которые решили убить дипломата. Такой удар по репутации нашего государства! Вот и ты приехал наверняка для того, чтобы узнать новости. Хотя обо всех новостях сейчас пишут в газетах. Когда в следственной группе столько людей из разных ведомств, ничего скрыть невозможно. И еще сюда понаехали сыщики из различных стран.

— Какие сыщики?

— Разные. Из Москвы прислали своего сыщика — Виталия Никитина. Думали, что мы ничего не узнаем. А наша контрразведка сразу сообщила, что он — полковник следственного управления и много лет работал в Федеральной службе безопасности России. Нужно быть дураками, чтобы не понять, зачем он так срочно прилетел в российское посольство.

— Ты сказал, сыщики. Ты имел в виду нас двоих или еще кого-то?

— Не только вас. Французы прислали своего «комиссара Мегрэ», который тоже пытается

уточнить, как убили этого Шевалье. Жан-Поль Лелуп. Нужно еще придумать такую фамилию — Лелуп! Но он тоже прилетел сразу после убийства их дипломата и тоже проявляет ненужную активность и явный интерес к этому убийству. Как будто мы сами не хотим найти преступника.

— Больше никто?

— Американцы тоже активизировались. Но у них здесь сидит официальный представитель ФБР, которая и занимается убийством Шевалье.

— Женщина?

— Гендерное равенство, — вздохнул Аслан, — тоже новые веяния. Андреа Пирс. Такая стерва, каких еще поискать. Можешь себе представить, что она упорно не говорит ни на каком языке, кроме английского, хотя мы точно знаем, что она работала с турками и должна как минимум понимать азербайджанский. А недавно выяснилась вообще смешная вещь. В доме, где она снимает квартиру, на верхнем этаже работали слесари, которые что-то перемудрили с трубами, и, когда дали сильное давление, лопнула труба. В результате ее затопило, а потом вода пошла вниз, на нижний этаж. Андреа прибежала к соседям и начала на прекрасном русском языке кричать, что это — кошмар, ее затопили. Вот так с помощью

одного плохого слесаря можно разоблачить офицера ФБР, — улыбнувшись, добавил Самедов.

— Всем нужно понять, кому понадобилось убийство дипломата, — согласился Дронго. — А другие посольства никого не вызывали?

— Тебе мало этих троих? Они могут купить здесь любых свидетелей и узнать гораздо больше, чем вся наша следственная группа. Но мы, конечно, работаем на опережение.

— И все-таки в другие посольства никто не приезжал?

— По-моему, нет. Во всяком случае, нам ничего подобного из МНБ не сообщали. И из МИДа мы тоже никаких сообщений не получали. Почему тебя так интересует это убийство? Ты тоже приехал сюда расследовать смерть Шевалье? Только не отпирайся. Наверное, тебя прислал Интерпол или специальный комитет экспертов ООН.

— Ты уверен, что других «сыщиков» здесь больше не появилось? — настойчиво повторил Дронго.

— Почти на сто процентов. Мы все-таки умеем работать. Все службы обязаны нам сообщать обо всех приезжающих или уезжающих после убийства Шевалье иностранцах. Мы знаем обо всех перемещениях. И все-таки зачем ты при-

ехал? Тоже расследовать убийство французского консула? Если бы ты знал, как он нам всем надоел, — повторил Самедов. — А твой приезд — это сюрприз для всей нашей следственной группы. Они уже знают, что ты прилетел, еще вчера позвонили из аэропорта и сообщили. Я же тебе сказал, что мы установили жесткий контроль на границе за всеми въезжающими и выезжающими. Значит, решили прислать и такого известного специалиста, как ты. Только заранее предупреждаю, что у тебя ничего не получится. Ты просто ничего не успеешь. Мы сами завершим расследование и найдем убийцу.

— Не сомневаюсь, — сказал Дронго. — Правда, учти, что среди стольких сыщиков может оказаться кто-то более проницательный, чем вся ваша группа.

— Который умеет определять состояние человека по языку? — снова расхохотался Самедов. — Ничего страшного, мы не боимся конкуренции. Постараемся опередить всех наших гостей, включая и тебя самого.

Они просидели за столиком еще около часа, но уже больше не говорили об этом деле. Дронго обратил внимание, что его гость ни разу не упомянул про иранское посольство, на которое работал погибший. Отсюда следовало два вывода:

либо следственной группе не удалось установить то, что знали в Москве о работе Армана Шевалье на иранскую разведку, либо они знали и сознательно скрывали, отрабатывая именно этот след как самый важный и самый многообещающий. Но спрашивать об этом нельзя, Аслан и так справедливо подозревал его, считая, что он прибыл именно для расследования убийства французского дипломата. Оставалось самому выяснить — знали ли о связях Шевалье в Баку? После этого разговора с другом Дронго понял, насколько сложной и непредсказуемой стала ситуация вокруг этого убийства. Теперь нужно было срочно встретиться с российским послом, поэтому сразу после ухода Аслана он позвонил в российское посольство.

Глава 3

Известная русская пословица гласит, что первый блин бывает обычно комом, зато все остальные должны получиться. Однако в случае с послами Российского государства, прибывающими в Баку, все было как раз наоборот. Первым послом был грузин Вальтер Шония, который прекрасно знал местные обычаи, традиции, порядки, долгие годы работал в Турции и соответственно пони-

мал и говорил на азербайджанском. Следующие послы запомнились несколько иначе. Один оказался настолько непрофессиональным, что вызывал смех своим воинствующим невежеством и ограниченностью. Ради справедливости стоит отметить, что подобным образом он «отличался» и в других странах, где служил, а в конце своей дипломатической службы завершил ее настоящим скандалом, просто объявив о своем увольнении и уходе с должности посла. Когда ему предлагали приехать на встречу в Союз писателей или в Академию наук, он искренне удивлялся, заявляя, что он — не писатель и не академик, поэтому не понимает причин своего приглашения. Случайно попав в дипломаты, он запомнился своим дремучим невежеством. Другой, тоже «специалист» из первой демократической волны, никогда не работавший профессиональным дипломатом, отличался тем, что регулярно проигрывал в казино крупные суммы денег и умудрялся брать взаймы у всех, кто готов был ему одалживать, включая зарубежных послов и местных чиновников. Для репутации великой страны подобное поведение было не совсем приемлемым.

Прибывший в Баку Владимир Дорохов был профессиональным дипломатом, всю сознательную жизнь проработавшим на дипломатическом

поприще. Любитель классической музыки, прекрасно знавший мировую культуру, почитатель русской поэзии, особенно любивший Пастернака, он не просто отличался от прежних послов. Сдержанный, умный, обладавший чувством меры и хорошо знающий предмет своей профессии, он достаточно быстро завоевал авторитет и уважение в городе. С Дронго они подружились почти сразу, едва речь зашла о русской поэзии, которую оба так любили. Для начала Дорохов прочел любимое стихотворение Пастернака, а Дронго продекламировал Мандельштама, затем посол вспомнил Вознесенского, а его собеседник поэму Евтушенко «Братская ГЭС», где были стихи о Степане Разине, которые оба считали выдающимся произведением. Так они и подружились, поддерживая друг с другом приятельские отношения уже несколько лет. Дорохов знал, почему Дронго так срочно прилетел в Баку. Он был одним из тех, чье мнение сочли решающим в выборе подходящего эксперта на такую необычную роль.

Сегодня была суббота, и Дорохов предложил встретиться в его резиденции, куда Дронго приехал ближе к четырем часам вечера. Он не любил садиться за руль, это отвлекало его от мыслей, и во всех трех городах, где он жил, у него были

свои водители. Многие уже знали, что он предпочитал шведские машины «Вольво» всем остальным, хотя в Баку это была почти непозволительная роскошь, слишком дорогие запасные детали иногда приходилось ждать неделями.

В резиденции посла, кроме самого Дорохова, оказался еще один неизвестный мужчина — высокого роста, широкоплечий, коротко остриженный, в очках, одетый в темный костюм и рубашку без галстука. Дронго пожал ему руку.

— Вы, видимо, Никитин, — сказал он, не ожидая, пока неизвестный представится, — а меня обычно называют Дронго.

— Вам уже рассказали обо мне, — понял полковник Никитин.

— И не один раз, — признался Дронго. — Сначала в Москве, где, правда, ничего про вас не сказали, но не стали скрывать, что, возможно, здесь уже есть их специалист, а потом в Баку, где уже прекрасно знают, кто вы и зачем приехали.

— Это не такой уж большой секрет, — усмехнулся российский посол. Он был высокого роста, худощавый, подтянутый и тоже в очках, внешне походивший скорее на профессора истории или литературы, готового немедленно начать лекцию в подходящей аудитории.

Они прошли за стол.

— Я знал, что ты приедешь, и хотел вас познакомиться, — сказал Дорохов, обращаясь к Дронго.

— А я догадывался, что ты меня обязательно захочешь познакомить с приехавшим следователем, — признался гость.

— Тем лучше, — кивнул посол, — значит, вы оба знаете, что здесь произошло, и представляете, какой резонанс в мире вызвало убийство французского дипломата.

— Кто с ним встречался? — сразу спросил Дронго.

— Я, — ответил с секундной заминкой Дорохов.

— Значит, был кто-то еще, — убежденно произнес Дронго.

— Ты догадался или тебе сказали? — уточнил посол.

— Просто я внимательно следил за твоим лицом.

— Интересно, что именно вы увидели? — улыбнулся Никитин.

— Это не так интересно, все в пределах обычного наблюдения.

— И тем не менее, — настаивал полковник.

— Расскажи ему о своей феноменальной наблюдательности и невероятной памяти, — предложил Дорохов. — Можете мне не поверить,

Виталий Константинович, но однажды он в присутствии польского посла наизусть продекламировал всю поэму Евтушенко.

— Просто мне она нравилась. Это во-первых. Во-вторых, ты ответил с секундной заминкой, затем часто заморгал. При этом твои нижние веки поднялись и под ними образовались морщинки. Еще ты чуть наморщил лоб, щеки немного поднялись вверх, а это уже выражение некоего отвращения в сочетании с твоим нежеланием меня обманывать. У тебя приподнялась верхняя губа, а нижняя немного опустилась, как бы надувшись, что выдает и твое негативное отношение к убитому. Или я не прав?

Дорохов взглянул на сидевшего рядом Никитина, и тот, рассмеявшись, иронично произнес:

— Значит, вы у нас современный Шерлок Холмс.

— Нет. Просто я юрист и психолог. И эти два образования мне очень помогают в жизни, — признался Дронго, — помогают в моих расследованиях. Ну, еще и логика, которую никто не отменял. Посол не будет встречаться с консулом в здании своего посольства один на один, без присутствия собственного консула. Не говоря уже о том, что они вообще не должны встречаться. Строгий дипломатический этикет означает, что консула в вашем посольстве должен был принимать консул.

Но его принимал посол, и явно не один. Отсюда вопросы: почему состоялась такая встреча и кто еще был на ней, кроме самого господина посла?

— Ты ведь наверняка знаешь, кем именно был этот Шевалье, — заметил Дорохов, — думаю, тебе об этом сказали. Либо в Москве, либо здесь.

— Не очень хотели говорить, но сказали, — кивнул Дронго. — Иначе я отказывался сюда лететь. Насколько я понял, у погибшего были очень тесные связи с иранским посольством?

— Правильно поняли, — ответил Никитин. — Мы подозреваем, что он работал с ними в довольно тесном контакте.

— И за это его убили?

— Пока это лишь одна из версий. Разве вам не сказали об этом ваши друзья в Баку?

— Нет. Как раз эту версию официальный Баку не захочет даже обсуждать. Иран слишком беспокойный и опасный сосед, чтобы обнародовать подобную сенсационную новость. Не хочу уточнять, но все-таки спрошу: вы уверены, что ваши сведения точны?

— Более чем. Шевалье раньше работал в Иране и был связан с ними еще с конца восьмидесятых годов, когда шла ирано-иракская война, а он являлся представителем фирмы, поставлявшей Ирану оружие.

— Тогда логично сделать вывод, что его убрали американцы или израильтяне, — высказал свою версию Дронго.

— Это возможный вариант, — согласился Никитин, — но тогда обязательно встает вопрос: чем он им так помешал? О его сотрудничестве с иранцами знали практически все. Он немолод, ему было пятьдесят шесть лет, и никакой особой опасности не представлял, если не считать лоббирования французских компаний в Иране и иранских интересов во Франции. Я убежден, что и французская контрразведка прекрасно была осведомлена о связях Шевалье с иранцами. Более того, возможно, даже поощряла подобные связи в пику американцам. Зачем убивать такого человека, рискуя вызвать грандиозный скандал и привлечь к этому внимание огромного количества людей?

— Израильтяне традиционно не доверяют иранцам, — напомнил Дронго. — Недавно в Иране был убит уже третий ученый, занимающийся проблемами создания ядерного оружия. Насколько я знаю, в самом Иране убеждены, что это дело рук израильской разведки.

— Ядерная программа Ирана тревожит не только израильтян, — вставил Дорохов, — но и остальные страны, особенно американцев.

— А убитый Шевалье не имел к этому абсолютно никакого отношения, — добавил Никитин, — он поставлял морские катера, амуницию и дубинки для полицейских, но никак не был связан с поставками плутония или какого-то оборудования для ядерной программы Ирана. В этом мы как раз абсолютно убеждены.

— Тогда нужно продумать другие версии, — предложил Дронго. — Если вы так уверены, что французская контрразведка знала о сотрудничестве Шевалье с иранцами, то можно ли предположить, что сами французы захотели устранить проштрафившегося дипломата? Или это слишком невероятная версия?

— Репутация государства, — напомнил Никитин. — Они бы не стали убивать его в Баку, просто отозвали бы обратно во Францию и уволили бы с дипломатической службы. И тем более не стали бы убивать его у нашего посольства.

— Тогда сами иранцы? Такую версию можно предположить?

— Во всяком случае, она более реальна, чем все остальные, — вздохнул Никитин, — хотя бы потому, что иранцы могли догадаться, что Шевалье не просто их агент, а работает на них с полного согласия французских спецслужб. Такие вещи на Востоке не прощают. Здесь не лю-

бят людей, работающих на нескольких господ. Они могли принять решение о физическом устранении Шевалье. Но здесь опять возникают ненужные вопросы. Иранцам очень не хочется портить с нами отношения, ведь Россия и Китай пока остаются постоянными членами Совета Безопасности ООН и не позволяют американцам навязывать свои воинствующие планы в отношении Ирана, налагая вето на любые подобные проекты. Зачем иранцам убивать своего агента у нашего посольства? И второй вопрос. Зачем им еще такие неприятности с Францией, которая тоже является постоянным членом Совета Безопасности ООН и не всегда выступает консолидированно с американцами и англичанами? Достаточно вспомнить, как французы и немцы вели себя во время вторжения американцев в Ирак. Они ведь тогда не поддерживали своих заокеанских союзников.

— Да, это правильно, — задумчиво согласился Дронго, — я неплохо знаю руководителя иранского Министерства разведки и безопасности Хаджи Гейдара Мослехи. Это очень умный и осторожный человек, который умеет просчитывать все варианты на несколько ходов вперед. Он бы не стал действовать таким образом, чтобы подставить своих агентов или свою страну.